

УДК 340.42:2

Правовой статус как характеристика правовой личности: понятие и феноменология

Попов Анатолий Анатольевич

Ректор,

Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР,

283054, Донецк, пр. Засядько, 13;

e-mail: nauka_davd@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается феномен правового статуса как одной из характеристик правовой личности, концепция которой лишь получает свое теоретическое обоснование в юридическом дискурсе, оставаясь дискуссионной, методологически и логико-семантически неразработанной. Для современного правового и юридического статуса личности практически на всем постсоветском пространстве характерны такие особенности, как крайняя его неустойчивость, слабая правовая защищенность, отсутствие надежных гарантирующих механизмов, неспособность государственных властных структур эффективно обеспечить интересы гражданина, его права на жизнь, свободу, честь, достоинство, собственность, безопасность, равенство и социальную справедливость. Автором предлагается рассматривать правовую личность как единство действующего, эмпирического субъекта права – носителя правового сознания в его ценностном измерении и реальных характеристик человека юридического, каковым выступает правовой статус личности, дается его развернутая логико-понятийная и экзистенциально-персонологическая характеристика, его структура, а также определяется место в системе феномена «правовая личность».

Для цитирования в научных исследованиях

Попов А.А. Правовой статус как характеристика правовой личности: понятие и феноменология // Вопросы российского и международного права. 2016. Том 6. № 11А. С. 17-26.

Ключевые слова

Правовая личность, правовой статус, становление правовой личности.

Введение

Когда мы начинаем размышлять о человеке правовом, мы тем самым разворачиваем содержание этого понятия через контекст: что есть человек социальный в правовом бытии как единстве правовой реальности и правовой онтологии (знании об этой реальности); в чем и как выражается его социальная сущность и существование в праве; а также как возможно «схватить» исследовательским сознанием эмпирически действующего, живущего правовой жизнью индивида?

Отталкиваясь от представлений, где право понимается как внутренне присущий аспект тотальной ценностно-смысловой реальности (культуры) и, следовательно, само право есть воплощенная система материальных и идеальных ценностей, мы полагаем, что о человеке правовом мы можем говорить, исходя из понимания его как носителя системы правовых ценностей (правовых убеждений, правовых установок), выявляющих себя как на психическом (сознательном и, возможно, бессознательном) уровне организации индивида, так и на инструментально-поведенческом уровне экзистенциального проявления личностного бытия. И если эта дедуктивная посылка гносеологически оправдана, то человек правовой – это всегда:

- 1) потенциальная и/или актуальная правовая личность, разворачивающая свою деятельность через манифестацию своего личностного «Я»;
- 2) правовой индивид, наделенный определенными объективными характеристиками: правовая роль (роли) и правовой статус.

Поэтому описать и понять правовую личность можно исходя из представления о ней, во-первых, как системно-структурном ценностном образовании, как некотором устойчивом личностном правовом «Я» – и тогда мы говорим о сущностном измерении человека правового, – и, во-вторых, как о действующем эмпирическом правовом социальном индивиде в единстве его правовых социальных ролей и правового статуса – и тогда мы говорим о экзистенциальном (существование) измерении феномена *homo juridicus*.

Анализ правовой личности как аксиологического образования предусматривает описание структуры правовых ценностных функций сознания личности. Анализ правовой личности как правового индивида предусматривает рассмотрение его как носителя прежде всего социального статуса.

Становление правовой личности есть всегда процесс вхождения социального индивида в правовое бытие как одну из сфер культуры. И процесс этот начинается не столько с обучения и научения праву через каналы социализации средствами передачи социального опыта (воспитание и образование), сколько определяется самим фактом рождения *homo socialis*. Акт рождения социального индивида как представителя социокультурного мира, наделение его первичными признаками гражданства (имя, фамилия, регистрация факта рождения и т. д.) уже говорит о феномене индивида правового, который не нуждается

ни в каких дополнительных качествах. Иное дело, когда мы говорим о правовом индивиде, понимая под этим субъекта – носителя реальных юридических признаков, т. е. о том уровне его присутствия в правовой сфере, которая предполагает личностное измерение индивида, т. е. наличие, во-первых, целого комплекса социальных требований общества к индивиду в качестве «набора» правовых норм подчинения и принуждения, и, во-вторых, индивидуального отношения индивида к праву в качестве устойчивых правовых знаний, правовых установок, правовых убеждений и иных форм правового сознания нормативного характера.

Данное теоретическое суждение основывается на том положении, что понятие «юридический», на наш взгляд, следует относить к действующему инструментальному (позитивному) праву, т. е. законодательству и законоприменению, в то время как понятие «правовой» следует относить к праву как объективно существующему социокультурному явлению. Поэтому освоение права как *corpus iuris*, понимание его природы, структуры, организации, причин и механизмов функционирования, отношения к иным социальным институтам и сферам социального бытия требует всегда личностного участия человека социального.

Понятие правового статуса как характеристики правовой личности

Исходным моментом анализа логики становления правовой личности и его (становления) результатов является понимание сути такого феномена, как правовой статус. При этом под понятием статуса мы подразумеваем то содержание, которое в него вложил известный теоретик права Р. Линтон, а именно: «статус, в отличие от обладающей им личности, представляет собой просто-напросто совокупность прав и обязанностей...» [Линтон, 2001].

Как известно, в инструментальном праве (юриспруденции), наряду с понятием «правовой статус», используется и понятие «правовое положение». На сегодняшний момент в правознании отсутствует единая точка зрения по данному вопросу. Так, понятие «правовое положение» рассматривают как сумму общего правового статуса и любого другого, например, отраслевого или специального [Лазарев, 1996]. Полагаем, что данные понятия семантически равнозначны. Во всяком случае, современное законодательство, юридическая практика, а также международные акты о правах человека не проводят между ними какого-либо различия, а употребляют в одном и том же смысле [Матузов, Малько, 1999]. Поэтому эти понятия вполне взаимозаменяемы. Исходя из контекста, но с сохранением идентичного смысла, используется то или другое его лингвистическое оформление: «правовое положение» или «правовой статус».

Какова природа правового статуса индивида? Мы ее обозначим следующим образом, полагая, что человеку до его формирования в качестве личности в определенном смысле заранее отведено некоторое «место» в системе социальных отношений. Например, с рождения известна его семейная, половая, этническая принадлежность, изначально определяются

правовые характеристики будущей гражданственности, которые априорны по отношению к индивиду и выступают как некая правовая потенциальность. Иначе говоря, речь идет о том, что процесс становления правовой личности предполагает наличие определенных условий правовой социализации, связанных с юридически закрепленными и реально реализуемыми позитивным правом *социальными возможностями*, которые власть и государство обязаны обеспечить каждому человеку своей страны в качестве определенного «набора» материальных и идеальных социальных ценностей.

Эти основания – исходная точка отсчета процесса становления личности вообще и правового ее измерения в частности. Более того, эти основания есть не что иное, как те известные права человека, которые обеспечивают оптимальный вариант социализации, итогом которой, собственно, и должна быть сформированная правовая личность как носитель правового статуса.

Права человека – это понятие, которое выражает не потенциальные, а реальные возможности социального индивида на функционирование и развитие, закрепленные правовыми нормами в конституциях и законах. Эта мысль утверждается в современных исследованиях по проблеме прав человека и в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах [Познер, 1998]. Эти «реальные возможности» очерчивают конфигурацию правового статуса социального индивида. Поэтому, если государство и социум не в состоянии обеспечить реальными гарантиями эти права человека, то никакие декларации и призывы на уровне манифестации ценностей «должного быть» не станут основанием становления того типа правовой личности, которая в своей деятельности будет демонстрировать не отчуждение, а принятие власти и права, ею реализуемого в терминах легитимации.

К числу элементов, определяющих процесс становления правовой личности и очерчивающих ее первичный правовой статус, можно, вероятно, отнести следующие права:

- право на саму жизнь;
- право на здоровье;
- право на физическую и психическую неприкосновенность;
- право на доступ к материальным и духовным благам (ценностям) в «максимальных пределах имеющихся ресурсов», но не ниже прожиточного минимума [Защита прав человека..., 1993].

Исходя из сказанного, полагаем, что понятие правового статуса представляет собой комплексную характеристику, описывающую взаимоотношения индивида и социума как элементов правового бытия с точки зрения места и роли (ролей) *homo socialis* в общественном разделении труда, регулируемом правом. Поэтому, говоря о правовом статусе личности, мы не можем и не должны ограничиваться «набором» прав, гарантирующих процесс ее становления. Стартовый «набор» лишь обеспечивает исходное начало разворачивания индивидуальных особенностей личностного становления, внешне выражающихся в ролевой поступочной деятельности, также нуждающейся в правовой защите.

Иначе говоря, правовой статус личности содержательно должен вбирать в себя первичный правовой статус социального индивида как гражданина, раскрывая свое содержание посредством прав, обеспечивающих индивидуализацию (право на место проживания; право на индивидуальный облик, имя; право на выбор пола) и персонализацию (право на частную жизнь, ее тайну и неприкосновенность, право на честь, достоинство и защиту репутации, право на личные убеждения и личностное мировоззрение) [Малеина, 2001].

Таким образом, правовой статус личности должен фиксировать «пространство» социальной свободы, ставить преграду противоречащему интересам человека, общества, государства и других индивидов использованию права, определять критерии правовых запретов [Нерсесянц, 1983; Малеин, 1981; Карбонье, 1986; Мальцев, 1999]. «Оно (пространство. – А. П.) может быть, следовательно, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми для уважения прав и репутации других лиц, а также для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения», – пишет А. Венгер [Венгер, 2000, 142].

В юридической литературе имеют место различные классификации феномена правового статуса. Классифицируется правовой статус по сфере действия и месту человека правового в системе правовых отношений: общий (международный) правовой статус; конституционный (базовый) правовой статус; отраслевой правовой статус; родовой (специальный) правовой статус; индивидуальный правовой статус. Кроме того, различают:

- 1) общий, или конституционный, правовой статус гражданина;
- 2) специальный, или родовой, правовой статус определенных категорий граждан;
- 3) индивидуальный правовой статус;
- 4) правовой статус физических и юридических лиц;
- 5) правовой статус иностранцев, лиц без гражданства или с двойным гражданством, беженцев;
- 6) правовой статус граждан, находящихся за рубежом;
- 7) правовые отраслевые статусы: гражданско-правовой, административно-правовой и т. д.;
- 8) профессиональные и должностные статусы (статус депутата, министра, судьи, прокурора);
- 9) статус лиц, работающих в различных экстремальных условиях или особых регионах, на оборонных объектах, секретных производствах и т. д. [Матузов, Малько, 1999].

Таким образом, в современном правознании и правоведении понятие правового статуса с четко закрепленной семантикой отсутствует, и здесь ситуация, пожалуй, сродни ситуации с понятием субъекта права. Однако, применимо к личности, феномен правового статуса все же четко обретает свое смысловое и инструментальное значение, ибо, на наш взгляд, он описывает и фиксирует наличие реального, а не декларативного правового обеспечения гарантий социального бытия человека на протяжении всей его жизни как гражданина, а

также реализации его социальных возможностей как условия становления уникального личностного «Я», феноменология которого разворачивается через приемлемый для социума «набор» социальных ролей и тех ценностных структур сознания, которые обеспечивают их праксеологическое (поступочное) воплощение.

В ценностной иерархии правовых статусов первостепенность статуса правовой личности несомненна и должна закрепляться и обеспечиваться правовым способом, как правило. Основным законом (конституцией, хартией, сводом, уложением и т. п.). Эта ценностная первостепенность правового статуса личности означает сохранение за правом его правовой сущности, т. е. сохранение реальной функциональности фундаментальных правовых ценностей – справедливости, равенства, свободы.

В свое время известный теоретик права и философ-западник Б. Чичерин в своей «Философии права» утверждал, что «там, где государственное начало поглощает в себе частное или значительно преобладает над последним, это отношение может дойти до полного уничтожения гражданского равенства, с чем связано непризнание лица самостоятельным и свободным деятелем во внешнем мире» [Чичерин, 1900, 103].

Это явление, о котором нам говорит Б. Чичерин, как известно, реально возникло в российском позитивном праве еще в петровские времена, когда право стало «указным правом», в котором идеи справедливости и равенства личности перестали просто существовать как идеи и деятельность и никак не отождествлялись с правом вообще. Таким способом понимаемое и переживаемое право, а в дальнейшем и архетипизированное в контексте национально-этнического содержания архетипов «порядка», «центра», «царствования» и «симфонической личности», никоим образом, думается, не могло способствовать возникновению устойчивой ментальной установки на осознание самоценности не только своей, но и личности вообще, если эта личность не обладает изначально определенными правовыми государственно-сословными характеристиками общественного статуса человека [Овчинников и др., 2009, 179]. Поэтому сам по себе человек как правовой индивид и *homo socialis* в системе конкретно-исторических правовых ценностей постпетровской имперской России в правовом поле бытия себя не только не мыслил, но и не чувствовал юридически защищенным от произвола власти вообще и персонифицированной в особенности, ибо его нравственность, а во многом и мораль «терпения ко злу» (С. Аверинцев) не позволяли и не способствовали становлению как самой идеи правовой личности, так и идеи правового статуса.

Поэтому «советский человек», ментально связанный со своими «имперскими предками», в массе своей не испытывал и не мог испытывать ностальгию по утраченной свободе, мыслимой, разумеется, не в качестве «революционной вольницы» времен Октябрьской революции 1917 года и смуты гражданской войны. Он этой свободы как правовой ценности не знал ни в прошлом, ни в настоящем, а «справедливость», которую он знал, ничего общего с личностными правовыми ценностями не имела. Впрочем, на это указывают все имевшие место советские конституции. Основной закон 1924 года исключал индивида и личность из

правовой сферы бытия, объявив носителем прав (свобод и обязанностей) «трудящихся» и «трудовой народ», а идею правового равенства и вовсе подменил идеей и практикой насаждения экономического (имущественного) равенства. Таким образом, ни о каком «персонализме» не могло быть и речи, все поглощалось классовым подходом: человек обладал определенным набором прав и обязанностей только в силу принадлежности к классу «трудящихся», – указывает А. Ковлер [Ковлер, 2002, 343].

Как известно, Конституция 1936 года вводила понятие «гражданин», но исходное начало, источник и центр правотворческой деятельности все же связывала с государством и правящей партией. В Конституции 1977 года, в статьях 39-48, 53-58 Главы 7 прописывались права граждан, но это были декларативные права, вне которых обязанности, прописанные, кстати, полно и конкретно (см. статьи 59-68), не могли бы быть реализованы полноценно индивидом, не воспользуйся он своим правом на труд, отдых и образование. При этом резко обнажался разрыв между формальным и фактическим положением человека правового в реальном «советском» правовом бытии. Продолжали действовать внесудебные репрессии, запреты на занятие определенными профессиями, незаконные привилегии, «телефонное право», вторжение в частную жизнь через «коллективное» вмешательство производственных, партийных, «товарищеских» объединений и организаций, нарушение тайны личности, семейной жизни и т. п. Лишь в сентябре 1991 года почти на закате существования СССР, была принята Декларация прав и свобод человека, провозгласившая, что высшей ценностью общества является свобода человека, его честь и достоинство.

Идеи Декларации позднее вошли в конституции практически всех постсоветских государств, очертив формальные границы правового статуса индивида и личности человека. Иное дело, что действующая ныне практика инструментального права, отягощенная ментальными особенностями и реальностями правоприменения, активно воздействующими в том числе и на профессиональное правовое сознание юриста, продолжают с трудом идентифицировать себя с таким феноменом, как правовой статус личности, причем речь идет не просто о идее правового статуса личности, а ее материально объективированной форме и способе существования. А это значит – пусть не явно, а латентно, – что все же не человек в его индивидуальном и личностном (персоналогическом) измерениях, а государство с его предикатами власти и корпоративности, продолжает в массе своей оставаться и по сей день центром «чувствования, переживания и понимания» права как социальной реальности [Петражицкий, 2000]. И это в условиях, когда даже конституционно закрепленный правовой статус индивида и личности продолжает существенно дестабилизироваться в результате социальных неурядиц, происходящих в обществе, а именно: нарастания социальной напряженности, наличия политического противостояния, сложной криминогенной обстановки, роста преступности, наличия экологических и технологических катастроф, шоковых методов проведения реформ и т. п. Несомненно, на процесс правового становления личности оказывает воздействие и такой психологический фактор, как потеря индивидом

ценностных общественных ориентиров и приоритетов, духовных опор, что означает спонтанность и неконтролируемость со стороны общественной среды процесса становления ценностного «Я» личности. Личность начинает испытывать глубокий социальный дискомфорт и неуверенность за свое будущее.

Заключение

Для современного правового и юридического статуса личности практически на всем постсоветском пространстве характерны такие особенности, как крайняя его неустойчивость, слабая правовая защищенность, отсутствие надежных гарантирующих механизмов, неспособность государственных властных структур эффективно обеспечить интересы гражданина, его права на жизнь, свободу, честь, достоинство, собственность, безопасность, равенство и социальную справедливость. Поэтому закрепление основополагающих прав человека в качестве характеристик правового статуса в действующее инструментальное право, на наш взгляд, обеспечило бы понимание приоритетности роли права как условия становления правовой личности – носителя таких правовых ценностей сознания, которые реально обеспечили бы формирование подлинной гражданственности в ее политическом и мировоззренческо-идеологическом выражении.

Библиография

1. Венгеров А.Б. Теория государства и права. М.: Юриспруденция, 2000. 528 с.
2. Защита прав человека в современном мире. М.: ИГП РАН, 1993. 146 с.
3. Карбонье Ж. Юридическая социология. М.: Прогресс, 1986. 350 с.
4. Ковлер А.И. Юридическая антропология. М.: Норма, 2002. 480 с.
5. Лазарев В.В. Общая теория права и государства. М.: Юристь, 1996. 472 с.
6. Линтон Р. Личность, культура и общество. 2001. № 1. С. 68-87.
7. Малейн Н.С. Гражданский закон и права личности в СССР. М.: Юридическая литература, 1981. 216 с.
8. Малейна М.Н. Личные неимущественные права граждан. Понятие, осуществление, защита. М.: МЗ-Пресс, 2001. 244 с.
9. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999. 419 с.
10. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М.: Юристь, 1999. 240 с.
11. Нерсесянц В.С. Право и закон. М.: Юридическая литература, 1983. 428 с.
12. Овчинников А.И. и др. Юридические архетипы в правовой политике России. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2009 320 с.
13. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 608 с.

14. Познер Р. Цена обеспечения юридических прав // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1998. № 3. С. 47-58.
15. Чичерин Б.Н. Философия права. М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1900. 336 с.

Legal status as a characteristic of the legal person: the concept and phenomenology

Anatolii A. Popov

Rector,

Donetsk Academy of Internal Affairs of the People's Republic of Donetsk,

283054, 13 Zasyad'ko av., Donetsk;

e-mail: nauka_davd@mail.ru

Abstract

The article deals with the phenomenon of legal status as one of characteristics of the legal person. This concept gets its theoretical justification only in legal discourse, but still needs discussion as it is undeveloped from the methodological and logical-semantic points of view. Modern legal status of the person in almost all post-Soviet area is characterized by such features as extreme instability, weak legal protection, lack of reliable guarantee mechanisms, failure of public authorities to effectively protect the interests of the citizen, his rights to life, freedom, honor, dignity, property, security, equality and social justice. The author offers to consider the legal person as a unity of the active and empirical subject of law. He is characterized by legal consciousness in its value dimension and actual characteristics of the legal person as he has the legal status of the individual. The author also gives detailed logical-conceptual and existential personal characteristics, his structure and determines his place in the system of the "legal person" phenomenon. The author comes to the conclusion that basic human rights as the characteristics of the legal status would provide an understanding of the priority of the role of law as a condition of formation of the legal person.

For citation

Popov A.A. (2016) Pravovoi status kak kharakteristika pravovoi lichnosti: ponyatie i fenomenologiya [Legal status as a characteristic of the legal person: the concept and phenomenology]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 6 (11A), pp. 17-26.

Keywords

Legal person, legal status, formation of the legal person.

References

1. Carbonnier J. (1978) *Sociologie juridique*. Presses universitaires de France. (Russ. ed.: Karbon'e Zh. (1986) *Yuridicheskaya sotsiologiya*. Moscow: Progress Publ.).
2. Chicherin B.N. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow: Tipo-litografiya Tovarithchestva I.N. Kushnerev i Ko Publ.
3. Kovler A.I. (2002) *Yuridicheskaya antropologiya* [Legal anthropology]. Moscow: Norma Publ.
4. Lazarev V.V. (1996) *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General theory of law and state]. Moscow: Yurist Publ.
5. Linton R. (1945) *The cultural background of personality*. Appleton – Century – Crofts Inc. Publ. (Russ. ed.: Linton R. (2001) *Lichnost', kul'tura i obshchestvo*, 1, pp. 68-87).
6. Malein N.S. (1981) *Grazhdanskii zakon i prava lichnosti v SSSR* [Civil law and individual rights in the USSR]. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ.
7. Maleina M.N. (2001) *Lichnye neimushchestvennye prava grazhdan. Ponyatie, osushchestvlenie, zashchita* [Moral rights of citizens. Concept, implementation, protection]. Moscow: MZ-Press Publ.
8. Mal'tsev G.V. (1999) *Ponimanie prava. Podkhody i problem* [Understanding the law. Approaches and problems]. Moscow: Prometei Publ.
9. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. (1999) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of government and law]. Moscow: Yurist Publ.
10. Nersesyants V.S. (1983) *Pravo i zakon* [Right and law]. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ.
11. Ovchinnikov A.I. et al. (2009) *Yuridicheskie arkhetypy v pravovoi politike Rossii* [Legal archetypes in the legal policy of Russia]. Rostov-na-Donu: Southern Federal University.
12. Petrazhitskii L.I. (2000) *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei npravstvennosti* [Theory of law and state in connection with the theory of morality]. Saint Petersburg: Lan' Publ.
13. Pozner R. (1998) *Tsena obespecheniya yuridicheskikh prav* [Price of ensuring legal rights]. *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeskoe obozrenie* [Constitutional law: East European review], 3, pp. 47-58.
14. Vengerov A.B. (2000) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of government and law]. Moscow: Yurisprudentsiya Publ.
15. *Zashchita prav cheloveka v sovremennom mire* [Protection of human rights in the modern world]. Moscow: IGP RAN Publ.